

Лекция 1

Социология и повседневность

1. Теоретические подходы к изучению повседневности

Когда мы говорим о повседневности, то на ум приходит "нечто привычное, рутинное, нормальное, себе тождественное в различные моменты времени". Она кажется нам абсолютно ясной, понятной, но как только мы пытаемся четко операционализировать понятие, то оно становится недоступным, сложным для интерпретации. Все это происходит потому, что повседневность просто ускользает от рефлексии.

Массовые повседневные феномены встречаются в нашей жизни везде и во всем. Однако повседневность предстает как видимое, но незамечаемое. "Повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные "свободные зоны", защищенные или защищающиеся от институциональных давлений".

"Повседневное — это нечто привычное, близкое, упорядоченное. Скажем, жизнь пчелы жестко фиксирована инстинктом. Человек не "фиксирован" и, в соответствии со своей природой, должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе привыкания и освоения его навыки преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени и т.п. — всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться".

"Человек в любой момент его повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т.е. в определенной им самим физической и социокультурной среде. В такой среде он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и внешнем

времени, не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая позиция".

Итак, можно выделить 2 плана использования понятия "повседневность" как термина, обладающего определенной нагрузкой.

Первый план значений связан с направленностью внимания на "содержательные" обстоятельства совместной жизни людей, их взаимодействия, которые осознаются ими как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, сфера будней "человека с улицы".

Второй план значений относится к методической "самоорганизации" реальности, способам, процедурам, с помощью которых осмысливается и демонстрируется поведение, объясняется себе и другим, выражается в приемлемых для всех формах. Иными словами, это аспекты общительности и "общежительности" повседневной жизни, в которых зафиксированы обязательные символические способы понимания себя и других", они реконструируются и, что важно, фиксируются в процессе жизни.

Таким образом, повседневность является продуктом длительного исторического развития. "Повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, который... мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению".

"Повседневность — одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию — банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры. Но она же поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ. Повседневность — целостный социокультурный мир, как он человеку дан". "Повседневность — это, как писала Н.Н. Козлова, — продукт социального конструирования".

Что касается начальных этапов человеческой истории, то мир повседневности рассматривался в то время как один из возможных миров. Он был столь же реален или, если угодно, ирреален, сколь и миры богов, демонов и прочих. Э. Гуссерль характеризовал такое восприятие мира как "мифо-практическое". Повседневность в этом мире, по словам Гуссерля, "не тверда в

своем самосушностном бытии и открыта воздействию мифических моментов". Так, например, в Греции мир богов существовал наряду с миром обычных людей в их восприятии, более того, люди считали себя прямыми потомками великих героев и богов.

Интересно, на мой взгляд, также и видение повседневности в Древнем Египте или, скажем, в Греции. В Египте прошлое и настоящее повседневности взаимодействовали, так сказать в реальном времени. Речь идет не просто о культе предков. Согласно верованиям других египтян, загробная жизнь была продолжением земной жизни.

В концепции М. Вебера мы встречаемся с термином "оповседневнивание", под которым понимался процесс обживания, обучения, освоения традиций и закрепления норм. В этом процессе повседневность выступает как "сфера", где собираются и хранятся, если так можно сказать, смысловые осадки прошлого опыта.

Для М. Вебера "оповседневнивание" — одно из центральных понятий в проблематике стабилизации кризиса, нововведения, возникновения нового религиозного течения, становления социального порядка и т.д. Любые нововведения политического и экономического характера воспринимаются людьми как враждебные, как покушение на устоявшееся, знакомое. Например, программа политического лидера должна основываться на знании обыденного, "умении видеть и формировать необычное в обычном". Лидер должен восприниматься как типичный представитель среды, потому что в повседневности человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир, в сущности, так же, как он сам. "Мы рассматриваем нашего партнера по взаимодействию... как тип".

Действительный же опыт подтверждает или не подтверждает ожидания типических соответствий. В случае подтверждения содержание типа обогащается; при этом тип разбивается на подтипы. С другой стороны, конкретный реальный объект обнаруживает свои индивидуальные характеристики, выступающие, тем не менее, в форме типичности.

Шюц приводит следующий пример. Мы видим горы, деревья, животных, людей. Я, может быть, никогда раньше не видел ирландского сеттера, но стоит мне на него взглянуть, и я знаю, что это — животное, точнее говоря, собака. В нем все знакомые черты и типичное поведение собаки, а не кошки, например. Можно, конечно, спросить: “Какой она породы?” Это означает, что отличие этой определенной собаки от всех других, мне известных, возникает и проблематизируется только благодаря сходству с несомненной типичной собакой, существующей в моем представлении. В принципе, мой ирландский сеттер Ровер обнаруживает все характеристики, относящиеся, согласно моему предшествующему опыту, к типу собаки. Однако то общее, что он имеет с другими собаками, мне совсем не интересно. Для меня он Ровер — друг и компаньон; в этом его отличие от прочих ирландских сеттеров, с которыми его роднят определенные типичные характеристики внешности и поведения. Я — без особых на то причин — не склонен видеть в Ровере млекопитающее, животное, объект внешнего мира, хотя и знаю, что всем этим он также является.

Таким образом, в естественной установке повседневной жизни нас занимают лишь некоторые объекты, находящиеся в соотношении с другими, ранее воспринятыми, образующими поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта. “Результат избирательной активности нашего сознания — выделение индивидуальных и типических, характеристик объектов. Вообще говоря, нам интересны лишь некоторые аспекты каждого особенного типизированного объекта”.

Интересно отметить, что М.М. Бахтин связывал типологическую определенность повседневности с особенностями разговорных бытовых жанров. Бахтин пишет: “Мы научаемся отливать нашу жизнь в жанровые формы и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, ... с самого начала обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи. Примерно также обстоит дело и с типами повседневных взаимодействий”.

В концепции Шюца выделяется ряд конечных областей значений: религия, игра, сон, художественное творчество, повседневность. По его мнению, телесное предметное переживание реальности (как качество опыта повседневности), ее вещей и предметов — и составляет ее преимущество по сравнению с другими конечными областями значений. Поэтому, — говорил он, повседневность является "верховой реальностью". Человек живет и трудится в ней по преимуществу и, отлетая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности. "Верховная власть повседневности обеспечивается именно связью повседневных дел и забот с физической телесностью действующего индивида".

Кроме того, А. Шюц выделяет некоторые конституирующие элементы повседневности как особые формы реальности: 1) трудовую деятельность; 2) специфическую уверенность в существовании мира; 3) напряженное отношение к жизни; 4) особое переживание времени; 5) специфику личностной определенности действующего индивида; 6) особую форму социальности.

Подводя краткий предварительный итог проделанному анализу литературы, можно было бы сказать, что в зарубежной и отечественной социальной науке имеется значительный опыт изучения повседневности, в основном в русле аналитической философии и социальной феноменологии, и все же единой концепции повседневности пока нет.

Литература

1. Ионин Л.Г. Социология культуры. — М.: Логос, 1996. С. 123.
2. Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность, 1992, № 3, С. 48.
3. Худенко В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования, 1993, № 4, С. 69.
4. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования, 1988, № 2.
5. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. "Я так хочу назвать кино". "Наивное письмо": опыт лингво-социологического чтения. — М., Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996.

6. Захаров А.В., Козлова Н.Н. Российские реформы глазами "маленького" человека" // Российский монитор. Архив современной политики. Вып. 2. М.: Центр "Индем", 1993, С. 105.

7. 7 Захаров А.В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии, 2003, № 9, С. 16.